

— А та старуха кто? — снова спросил Янь Хан. Он не стал уточнять, за что именно его обидели, почувствовав, что и так примерно догадывается, да и порой для этого вовсе не нужно никаких причин.

— Я... — взгляд Чу И потускнел, и лишь спустя мгновение он тихо произнес:

— Бабушка.

— Понятно, — отозвался Янь Хан. Больше добавить было нечего, поэтому он махнул рукой:

— Ладно, иди домой, а я пойду перекушу.

— Тебя звать... звать, — Чу И уже отошел метров на десять, но продолжал говорить, не оборачиваясь, — звать, звать, звать...

— Янь Хан, — Янь Хан обернулся и перебил его.

— Янь, Янь... — Чу И согласно кивнул.

— Хан. Янь Хан, — повторил Янь Хан.

Чу И улыбнулся.

— Давай, бывай, — Янь Хан развернулся и зашагал дальше по дороге.

Когда Чу И вернулся домой, бабушка уже была на месте — сидела на диване, обнимая шестнадцатилетнюю дворовую собаку и глядя телевизор.

Мама тоже пришла и теперь с мрачным видом готовила ужин на кухне.

— Иди овощи помой, — бросила она, даже не подняв головы, когда услышала, что он вошел.

— Угу, — Чу И опустил рюкзак на пол.

— Бесполезный, вечно ничего не видит, пока не скажешь — не пошевелится, — проворчала бабушка.

Чу И промолчал, прошел на кухню, взял овощи и принялся за работу.

— И правда, никчемный! — повысила голос бабушка в комнате. — Сегодня опять позволил себя побить! Я говорю: надо пойти в школу и разобраться, а он не пускает! Тьфу, недоразумение!

— Он считает, что если ты пойдешь скандалить, будет только позорище, — ответила мама.

— Ну и что, что поскандалю? — бабушка, прижимая к себе собаку, подошла к кухонному проему. — Ну и что? Когда я скандалю, никто со мной связываться не рискует, знаешь ли!

— Иди телевизор смотри! — тоже повысила голос мама.

Чу И, не поднимая глаз, сосредоточенно мыл овощи. Быстро закончив, он выложил их на разделочный стол, вышел из кухни и спрятался в своей комнате.

Собственной комнаты у него не было — это была спальня бабушки и дедушки, где у стены ютились диван-кровать и примитивный тканевый шкаф.

Вообще-то, ему следовало бы делать уроки в гостиной, где стоял его письменный стол, но когда там была бабушка, ему не хотелось лишний раз попадаться ей на глаза.

— Ты сегодня уроки делать собираешься?! — крикнула бабушка из гостиной.

Чу И промолчал, покорно вышел, сел на свое место, вытащил из рюкзака учебники, включил настольную лампу и, уткнувшись в тетрадь, принялся за задания.

Однако его старательная игра в прилежного ученика не помогла — бабушка не унималась.

— Думаешь, я не вижу? Неблагодарный щенок! Только и знаешь, что прятаться от меня! Хочешь к дедушке свалить, да? Ну так вали! — бабушка прикурила сигарету, затянулась пару раз. — Кормлю тебя, пою, а ты всё норовишь к ним на огород бежать, неблагодарный!

У дедушки никакого огорода не было, просто несколько горшков с зеленью на крыше. Чу И очень нравился этот мини-садик, он всегда помогал поливать растения, но бабушке это вечно стояло поперек горла.

Хотя насчет «неблагодарного щенка»... наверное, она была права. Он и правда тянулся к дедушке и бабушке, так что для этой бабушки он действительно был неблагодарным.

— Едим! — мама вышла с кухни и села на диван.

Чу И отложил ручку, встал, разложил обеденный стол, расставил тарелки и палочки, наложил еду маме и бабушке, а потом сел и, низко опустив голову, принялся за ужин.

— Его отец опять не приедет? — спросила бабушка.

— Угу, в автотранспортной компании дела, — ответила мама.

— Тоже мне, важная птица, — бабушка прикусила сигарету. — Обычный водила, а кто не знает — решит, будто он секретарь в канцелярии премьер-министра.

— Ешь давай, курить она тут удумала! — мама повысила голос.

— Сейчас доем и пойди купи мне пачку сигарет, — бабушка затушила окурок прямо о поверхность стола.

Эти слова были адресованы Чу И. Он кивнул, взял пепельницу, сгреб в нее окурки и пепел, а потом попытался потереть след от прожженной дыры на столе, но тот не оттерся.

В их доме не только обеденный стол, но и журнальный столик, и подлокотники дивана — все поверхности были в ожогах от бабушкиных сигарет.

— Бросала бы ты курить, помрешь ведь из-за этого, — сказала мама.

— Твои деньги, что ли, трачу? Знаю, что ты работу потеряла, но у меня своя пенсия есть! — бабушка схватила свою сумку, выудила оттуда сто юаней и швырнула их перед Чу И. — На, бери и дуй за сигаретами!

Чу И взял деньги и встал.

— Сначала доешь, — остановила его мама.

— Ешь, ешь, — бабушка бросила кусочек еды на пол собаке.

Чу И сел и продолжил молча жевать.

— Сегодня Эр Пин с девчонками уговаривали меня пойти по магазинам, — сказала мама между делом. — Бесят.

— Где ходили? — спросила бабушка.

— Да как обычно, по бутикам вроде LV и прочей ерунды, — мама пренебрежительно фыркнула. — Специально меня злили, я ведь говорила, что не пойду, так нет — затащили.

— Ишь, вырядились, будто у них денег куры не клюют! Ходят, важничают, словно их током ударило, — бабушка сплюнула. — Все профукают, вот увидишь!

Чу И, не поднимая головы, быстро ел, мечтая поскорее закончить и уйти.

— Сказали, что купили Чу И подарок. Я предложила отдать мне, а они — нет, мол, сами лично вручат, — продолжила мама. — Понятия не имею, что у них на уме.

— Своих родить не могут, вот и развлекаются с чужим ребенком, — бабушка заметно повеселела. — По мне так, с такой-то фигурой, как у нее, она, скорее всего, вообще бесплодна.

Чу И доел рис, выпил пару глотков супа, встал, взял ту сотню юаней и вышел.

На улице было прохладно, но это принесло ему облегчение, стало даже легче дышать.

Поэтому он каждый вечер, сделав уроки, выходил на пробежку. Уличные фонари здесь через один не работали, и в этой темноте он чувствовал себя в безопасности.

Сегодня он вышел рановато, народу на улице еще было много, и он жался к стене, стараясь никому не попадаться на глаза.

Правда, поход в лавку избежать не удалось, но, к счастью, внутри никого, кроме него, не было.

— Бабуле сигареты? — спросил хозяин лавки.

— Угу, — Чу И протянул деньги.

Хозяин, забирая купюру и доставая пачку, заметил:

— Твоя бабушка прямо верна традициям, двадцать лет — одни и те же сигареты.

— Постоянство, — кивнул Чу И.

Хозяин улыбнулся и протянул ему пакет. Чу И вышел и снова поплелся вдоль стены.

Он дошел до самого берега реки.

Рекой это место называли разве что для солидности — на деле узкий ручей. Хотя вдоль берега и стояли каменные скамейки, люди здесь почти не появлялись: зимой — холод, в другое время — вода пахнет тухлятиной.

Чу И бывал здесь часто — за двадцать раз едва ли встретишь кого-то хотя бы раз.

Идеальное место.

У него тут был свой тайник в дупле, которым он пользовался уже почти десять лет.

Дупло самое что ни на есть настоящее.

В старой иве на берегу реки, прямо в стволе, была пустота.

Когда-то давно, чтобы дотянуться до него, нужно было встать на выступающие корни, а теперь ему приходилось сгибаться в три погибели, чтобы прижаться лицом к дереву. Сколько секретов и маленьких желаний он нашептал этому дереву...

Большую часть секретов он уже забыл, а желания... ни одно из них не исполнилось.

Наверное, потому что вода в реке пахнет тухлятиной.

Чу И огляделся — никого. Он наклонился, прижался лицом к дуплу и закрыл глаза.

Поскольку людей здесь почти не было, да и дупло смотрело в сторону глухой стены, внутри всегда было чисто, пахло просто деревом, без всякой гадости.

— Я не... не хочу учиться, — тихо и медленно проговорил он. — Я хочу уехать... в другое место, работать, путешествовать. Но...

Он вздохнул:

— Мама хочет, чтобы я поступил в... в университет.

— У меня не... не получится. Точно не поступлю, — он пальцами поскреб кору. — Я ведь совсем... совсем не... не хочу учиться.

Такие признания, не требующие ответа, помогали — каждый раз Чу И тратил на них минут пять, а после чувствовал, как с души падает камень.

Сегодня было так же. Выговорившись, он выпрямился и потянулся.

Потянулся и замер с поднятыми руками.

Рядом кто-то стоял.

В спортивном костюме, кроссовках и маске.

Тот самый парень, который сегодня отделал Ли Цзыхао и пообещал, что теперь будет его защищать.

Янь Хан.

— Ты... — Янь Хан смотрел на Чу И и не знал, что сказать. Одно дело — выйти на пробежку, совсем другое — увидеть, как из дерева вырастает человек, стоящий к тебе задом, а потом понять, что это еще и Чу И.

— Опустит руки, — сказал Янь Хан. — У меня с собой нет ножа.

Чу И опустил руки.

— Ты... — Янь Хан все еще не находил слов, просто смотрел на отпечаток коры на его лице и с трудом сдерживал смех.

Наконец, он подошел к стволу, заглянул в него и понял, что дупло довольно глубокое.

<http://bllate.org/book/18095/1738805>